

Видимо, он его напугал, потому что Ци Жуньюнь вздрогнул, резко отодвинул ногу и только потом ответил:

— Нет...

Голос его звучал хрипло, он замолчал, чтобы прочистить горло, прежде чем продолжить:

— Нет, просто просматриваю старые задания, которые отец давал мне для изучения.

Возвращаясь домой, Ци Жуньюнь забрал часть своих книг из старого дома, многие из которых были заданиями, которые отец давал ему в детстве, связанными с ремеслом семьи Ци.

Из-за резкого движения Ци Жуньюня Сун Цинъи почувствовал, как место, где их бедра соприкасались, стало холодным, и наконец понял, в чем была причина неловкости его супруга. Он тихо засмеялся:

— Чего боишься? Мы уже делали вещи куда более интимные, а ты боишься, что твой муж прикоснется к твоей ноге?

Нельзя было отрицать, что Сун Цинъи был немного коварен. Обращение «муж» он использовал только в ночь свадьбы, и с тех пор Ци Жуньюнь его больше не произносил. Это было первое упоминание об их близости с того дня.

Как и ожидалось, уши Ци Жуньюня покраснели еще сильнее, а бледные щеки залились румянцем.

— Ты... как...

Казалось, Ци Жуньюнь не знал, как реагировать на легкомысленное поведение Сун Цинъи, и его речь стала запинаться. Румянец на его лице сменился смущением на гнев.

— Сударь, прошу вас, выбирайте слова осторожнее!

— Кхм.

Услышав, как низкий и хриплый голос Ци Жуньюня внезапно стал громче, Сун Цинъи понял, что зашел слишком далеко. После свадебной ночи они жили в одной комнате, но больше не нарушали приличий. Хотя Сун Цинъи и хотел разрядить обстановку, он не хотел, чтобы их отношения оставались такими холодными. Однако его поддразнивание явно перегрузило терпение супруга, хотя, по мнению Суна, разгневанный Ци Жуньюнь выглядел более живым.

Но, зная, что переборщил, Сун Цинъи решил сменить тему.

— Когда мы вернемся, я доложу отцу и попробую свои идеи в мануфактуре. Линьюй, пойдешь со мной? В будущем я хочу попробовать свои силы, а ты pomoжешь мне с формами.

Ци Жуньюнь на мгновение задумался, забыв о своем смущении, и посмотрел на человека рядом. Тот смотрел на него с легкой улыбкой, и в его глазах читалась неподдельная серьезность.

— Я учился этому только до десяти лет под руководством отца, никогда не делал настоящих форм, — его голос, лишенный смущения, снова стал низким и спокойным.

— До десяти лет ты был наследником, которого отец серьезно готовил. После десяти я уверен,

что ты не бросал это занятие, — Сун Цинъи сказал это, потому что в прошлой жизни случайно увидел, как его спокойный и угрюмый супруг сидел в уединенном дворе и лепил фигурки из глины. Его движения были уверенными и плавными, а фигурки животных получались живыми. Тогда он подумал, что его супруг занимается ерундой, но теперь понимал, что у него не было «настоящего дела», а навык лепки, вероятно, был тем, чему он научился у отца.

Возможно, не ожидая, что Сун Цинъи знает о его тайном увлечении, Ци Жунъюнь слегка удивился. Он действительно не бросал отцовские уроки, хотя, попав в семью Сун, жил во Дворе Сили. Однако жизнь там не была такой праздной, как многие думали. Двор Сили обучал наследников и супругов наследников семьи Сун. Они не только изучали литературу, иероглифы, музыку, шахматы, каллиграфию и живопись, но и учились заваривать чай, разбираться в искусстве, а также занимались рукоделием и управлением домом. Поскольку семья Сун была знаменита своими люли, Ци Жунъюнь также обучался искусству их оценки. Таким образом, пятнадцать лет во Дворе Сили были заполнены уроками с утра до вечера, а то, чему учил отец, он мог практиковать только в обеденные перерывы и перед сном, чтобы не забыть навыки семьи Ци.

Поэтому он не считал, что совсем не умеет делать формы, но у него действительно не было опыта работы в мастерской.

— Я не забросил отцовские уроки, но никогда не делал форм для настоящих люли.

Сун Цинъи засмеялся, оценивая уверенность Ци Жунъюня в своих навыках.

— Чего боишься? Я тоже никогда не обжигал люли. Я сказал, что это пробная попытка, и никто не ожидает, что все получится с первого раза. Ты уже лучше меня, ведь ты практиковал это десять лет в одиночку, а я начинаю с нуля.

Сун Цинъи не шутил. По его наблюдениям, навыки его супруга в лепке не уступали мастерам, но, как он сам сказал, у него не было возможности практиковаться во Дворе Сили, и ему не хватало опыта. А сам Сун Цинъи в этой и прошлой жизни знал о люли только понаслышке.

Услышав это обращение во второй раз, Ци Жунъюнь уже не реагировал так остро, но, находясь близко, можно было заметить, что его уши снова начали краснеть.

— Хорошо.

Раз Сун Цинъи так сказал, Ци Жунъюнь согласился. Если он хочет, чтобы он пошел с ним в мануфактуру, то опыт можно будет наработать со временем. Однако, вспомнив, что Сун Цинъи сказал о начале с нуля, Ци Жунъюнь подумал о слухах, которые ходили о старшем сыне семьи Сун. Разница между тем, что говорили слуги, и реальностью была огромной. Подумав о своей нынешней жизни и своих прежних скрытых опасениях, он решил, что такая разница может быть для него удачей.

Когда они вернулись в дом семьи Сун, уже стемнело. Они разделались, чтобы доложить господину Суну и старой госпоже Сун, поклонились и только потом вернулись в свой двор, чтобы поужинать.

— Я доложил отцу, послезавтра поеду в мануфактуру и пробуду там несколько дней. Дядя Нань нашел мне временного учителя, сначала познакомлюсь с материалами. Ты завтра отдохни или прогуляйся, подготовь вещи, послезавтра поедем вместе.

Закончив ужин, Сун Цинъи вытер рот горячим полотенцем, которое подала служанка, и,

обернувшись, сказал Ци Жуньюню.

Ци Жуньюнь взял полотенце, которым пользовался Сун Цинъи, и вместе со своим передал служанке, затем жестом отпустил их. Поскольку они оба были мужчинами, Сун Цинъи заменил ночных служанок на слуг, которые помогали только днем. После умывания вечером они могли уйти отдыхать, а во дворе, кроме личных слуг Лю Гуана и Лин Бао, были также слуги, которые следовали за Сун Цинъи — Ли Чжань, Хуа Цзюэ и Гуань Би. Ночью они дежурили по очереди.

— Хорошо. Что тебе нужно из привычного?

Ци Жуньюнь, казалось, еще не привык к обращению «супруг», часто забывая его в разговоре, но Сун Цинъи уже привык.

— О вещах, которые я обычно беру, спроси Хун Сю. До свадьбы она готовила мои вещи для поездок в академию.

Поскольку ночные служанки были отпущены, Ци Жуньюнь естественно взял на себя обязанность помочь Сун Цинъи раздеться. В первый раз, когда он это сделал, Сун Цинъи был удивлен, но не стал говорить об этом. Теперь, после нескольких дней совместной жизни, они могли общаться как члены семьи или друзья.

Услышав незнакомое имя из уст Сун Цинъи, Ци Жуньюнь поднял глаза, но, увидев, что тот говорит без задней мысли, понял, что это, вероятно, бывшая служанка, которая раньше была рядом с ним. Однако имя...

— Хун Сю... «Красный рукав добавляет аромат». У господина хороший вкус.

Хотя он сказал это без умысла, Ци Жуньюнь почувствовал, что его слова звучали несколько двусмысленно.

Даже Сун Цинъи поднял брови.

— Супруг, можешь мне поверить, это имя дала мать, не я.

Хотя в юности у него и были такие мысли, но после встречи с младшей сестрой...

Сун Цинъи нахмурился. Встреча с младшей сестрой когда-то казалась ему величайшим счастьем, но на самом деле стала величайшей катастрофой.

Ци Жуньюнь тонко почувствовал изменение настроения Сун Цинъи и, воспользовавшись моментом, чтобы убрать снятую одежду, отступил на шаг.

— Сударь, я не хотел ничего плохого.

Очнувшись, Сун Цинъи заметил отступление Ци Жуньюня и поднял брови.

— Супруг, что это значит? Думаешь, твой муж такой мелочный, что не вынесет шутки?

Сун Цинъи нарочно засмеялся легкомысленно и поднес палец к подбородку Ци Жуньюня, изображая из себя развратного аристократа, соблазняющего благородного юношу.